

— Конечно, Бриенна. — Бриенна достала маленький кинжал из ножен, которые были спрятаны у нее на поясе. — Если они придут ночью, мы можем не успеть убежать. Они могут прийти стайей, такой большой группой, что мы с Подриком не сможем остаться рядом с тобой или будем вынуждены попросить тебя бежать, а мы останемся позади. Я бы попросил тебя взять это, держать его рядом с собой, чтобы, если случится худшее, если я умру, я мог надеяться, что там, где мой меч не сможет защитить тебя, этот кинжал сможет. Санса посмотрела на маленький кинжал, который, как она видела, Бриенна использовала для снятия шкуры с дичи, которую они нашли во время своих странствий. Это был тот самый кинжал, которым она воткнула в глаз шавке, бросившей ее на землю несколько недель назад. Это был тот самый кинжал, который она направила на человека в доспехах Болтона, прежде чем меч Бриенны пронзил его шею. Это был тот самый кинжал, который она сжимала, идя позади Бриенны и Подрика, когда они настигли полуобморочную женщину, и наблюдая, как Бриенна сдерживает слезы, перерезая горло извивающейся девушки, чтобы положить конец ее медленным страданиям. И именно этот кинжал она вернула, забрав меч и кинжал у мертвого болтонца с молчаливой клятвой вогнать их в собственное горло, если они когда-нибудь ее поймут. Они забирали все, что могли, у убитых ими людей: их провизию, их монету, позволяя любому, кто их находил, думать, что разбойники забрали их жизни. И все же они охотились на них, говорила ей Бриенна, — собаки могли уловить их запах после последней битвы и выследить их. Они снова пришли, и снова Стена оставалась далекой мечтой. Она и сама мечтала о ней, о том, чтобы пройти через возвышающиеся черные ворота. В ее воображении это был по-своему великолепный Черный замок. Конечно, он не уступал другим, которые она видела, прославленный в своем стоицизме. Как и Джон, несомненно. Он бы добился успеха, сделал бы себе имя. Если бы она была добра к себе, готова была бы снова стать дурочкой, то представила бы, как открываются ворота и он стоит там с распростертыми объятиями, готовый обнять ее. Если ее мечты были честными, она представляла его растерянным, радостным от того, что видит знакомое лицо, но разочарованным тем, что это она, желающим, чтобы выжил кто угодно, кроме нее. Он отбросил бы свой гнев на нее, на капризного ребенка, которым она была в последний раз, когда видела его, и защитил бы ее. Что бы он ни чувствовал, он будет заботиться о ней, делать то, что нужно, чтобы она выжила. Но чем дольше это продолжалось, тем больше она сомневалась. Они остановились в доме, от которого воняло разложившимися трупами, висевшими снаружи, надеясь, что это замаскирует их запах достаточно долго, чтобы они могли отдохнуть хоть день, не подвергаясь охоте. Лежа в постели мертвеца, не в силах заснуть из-за вонючей, проникающей через окно, она впервые пожалела, что ей не нужно просыпаться. Каждый раз, когда они были вынуждены возвращаться назад, вынуждены продлевать свой путь и все дальше отдалять ее от Джона, отчаяние терзало ее сердце, говоря, что будет лучше, если они поймут ее. Будет больно, возможно, очень долго, если встреченные ими трупы хоть что-то говорят об этом, но, возможно, она ошибалась, возможно, боги действительно существуют, и она будет со своей семьей, как только выкусит язык или перережет шею. Может быть, она была бы с остальными, присматривая за Джоном и даже Арьей, если бы та каким-то образом выжила сама после того, как Бриенна потеряла ее. Но Старки терпят, а она была Сансой Старк. Она могла поклясться, что недели и месяцы странствий вытравили из нее все силы, разорвали на части маленькую глупую девочку, которой она была, но при мысли о Стене она все равно обретала надежду. Она пройдет через нее и найдет Джона Сноу. Он спасет ее от этого, он заставит ее чувствовать себя в большей безопасности, чем Бриенна и Подрик. Он станет ее спасением. Он должен был им стать. И все же, когда она увидела, что на горизонте вырисовывается Стена, она поняла, что с этим придется подождать. Она не могла прибыть как Санса Старк. Она не могла приехать туда с кинжалом у бедра и мечом на седле. Она должна была быть леди, пусть даже леди-бастардом, поэтому она взяла последнюю краску и отдала Подрику свое украденное оружие. Хотя это было не то, что она себе представляла, ветхие останки Черного замка принесли облегчение. — Иногда мужчине приходится делать трудный выбор, — сказал Сэм. — Выбор, который может

показаться неправильным для других, но ты знаешь, что в конечном итоге он будет правильным.— Ты в это веришь? — спросил Олли.— Всем сердцем, — ответил он с намеком на смех. Увидев, что Олли уходит, Сэм схватил принесенный им поднос. — Постарайся не волноваться, Олли. Я волновался за Джона годами. — Сэм сказал с улыбкой: — Он всегда возвращается. Олли едва успел выйти за дверь, как они услышали гудок. Мужчины кричали, чтобы им открыли ворота. Сэм нахмурил брови, поднимаясь на ноги. — Он не может вернуться так скоро. Должно быть, это южные ворота. — Он пробрался во двор и стал наблюдать, как трое всадников проезжают через ворота. Две женщины и мужчина, хотя более высокая женщина была одета в темные доспехи.

<http://tl.rulate.ru/book/111365/4206293>